

Прынь Маргарита

г. Краснодар, МУ ДО «Малая академия», 10 класс

Рецензия на спектакль «Капли Датского короля» Театра Музыки и Поэзии под руководством Елены Камбуровой,

Постановка, сценография - Иван Поповски

Наставник - Паскевич Наталья Яковлевна, педагог дополнительного образования

Вечер песен и кавказского колорита

Приходилось ли вам бывать в гостях на Кавказе? А ведь там – как в поговорке: «Если в доме гости, то в доме праздник». Представьте, что оказались на таком вечере, в своеобразной камерной обстановке, и тогда вам откроется вся «магия» спектакля в Театре Музыки и Поэзии п/р Елены Камбуровой, где «поют и вспоминают друзей», где «все вместе: зрители, актеры, хозяева»; где всё знакомо и любимо.

Сценарий создан из песен Булата Шалвовича Окуджавы, которые звучат попеременно с выдержками из личного дневника, а сам спектакль посвящён барду – автору стихотворений. Все мизансцены, являясь своеобразным «языком режиссёра», работают на раскрытие главного замысла Ивана Поповски: проследить жизненный путь Окуджавы по дневниковым записям и песням, а кроме того, напомнить, что один из великих и первых русских бардов навсегда в сердцах людей, ибо его произведения понятны широкому кругу слушателей, они несут в себе смысл, актуальный на века вперёд. Последнее – одна из причин, по которой «Капли...» идут в театре Е.А. Камбуровой по сей день.

Сценическое пространство организовано неординарно – под стать идее настоящего кавказского застолья. Зрителей от актеров отделяет лишь поверхность длинного стола, за которым все и сидят. И стол не пустует: режиссерским решением стало разместить на нем фрукты, сыр,

зелень и, конечно, вино в глиняных амфорах – как символ гостеприимства. После спектакля гостей театра угощают виноградным напитком, до последнего оставляя зрителей в этой атмосфере застолья, позволяя «прикоснуться» к ней не только духовно, но и физически.

Можно сказать, что сценография этого спектакля – очень подробная. Поначалу освещён только стол, все внимание сосредоточено на нем, а пространство за ним скрыто от глаз зрителей в темноте, однако в глубине сцена оформлена в виде интерьера дома, представлено множество деталей (комнатные растения, лампа с тусклым и тёплым желтым светом, стулья, рояль, тоже являющийся частью интерьера, несмотря на то, что он задействован больше как музыкальный инструмент (на нём играет заслуженный артист России Олег Синкин), виден, например, тканевый круглый коврик или платок). Сценическое пространство ни в одной из мизансцен не освещено полностью – спокойный и душевный вечер требует приглушенного света, тёплых полутонов, от которых не рябит в глазах, а наоборот – это помогает сосредоточиться на задумке режиссера: на воплощении сценария из текстов песен в кругу «своих».

Никто из актеров за кулисы не уходит, однако нельзя сказать, что все мизансцены воплощают образ толпы. Герои спектакля поют соло или дуэтом, и лишь несколько раз хором (например, исполнение «На фоне Пушкина снимается семейство» и «Капель Датского короля»). При этом то, что они на небольшой сцене все вместе, не мешает восприятию. Напротив, так общая картина остаётся целостной, ибо все участники застолья здесь, все слушают, реагируют, включаются в «песенный диалог».

Сложно разделить мизансцены на основные и переходные, однако если ставить на первое место песни, то связующим звеном между ними станут дневниковые записи. Они перемещают зрителей между периодами жизни Булата Окуджавы, помогают создать определенную сюжетную

линию. Но, несмотря на то, что зачитывает их на протяжении действия один актёр, они не составляют мизансценическую рифму, потому как настроение каждого эпизода чтения различно. Прежде всего это зависит от содержания дневниковой записи, потому как жизнь состоит и из белых, и из чёрных полос, из приобретений и трагедий, которые в сценографии переданы световым оформлением (то включено несколько ярких прожекторов, то актер освещён чуть ли не одной свечой).

Непривычно не видеть на актёрах замысловатых костюмов. В «Каплях...», согласно идее режиссера, художник по костюмам выбирает повседневную одежду, при этом и грима наносит совсем мало. В кругу близких людей незачем стараться выделиться, домашняя обстановка больше располагает к простоте и сдержанности, а перед зрителем как раз такой семейный образ, который становится близок не только потому, что актёров по костюмам трудно отличить от гостей театра, но и из-за привычности воплощения. Даже пианист и гитарист здесь же, со всеми, они тоже часть дружного и близкого круга собравшихся на вечер.

Песни звучат как разговор с гостями: актёры то и дело оборачиваются, жестикулируют, будто рассказывают историю строками песни. Тамада читает отрывки из биографии «старого друга» Булата Окуджавы — душевные воспоминания, трогаящие всех участников вечера. Его монологи подкреплены естественными жестами и «цепляющей» интонацией. В результате, казалось бы, обыкновенную биографию хочется слушать часами, она вызывает эмоциональную реакцию, приближает к самому барду, зрители будто бы тоже «свои», им доверено слышать записи из личного дневника.

Прожекторный свет, освещающий зал вначале, постепенно угасает, и главным источником света и тепла становятся настоящие свечи, распределенные по всему длинному столу. С каждой минутой "близость" и «камерность» спектакля ощущаются всё сильнее.

Ни одна песня не исполняется на вечере без причины, без повода. Они гармонично переплетены как между собой (некоторые песни исполняются подряд, без паузы), так и с биографией поэта. Каждая песня отражает какой-либо период жизни Булата Окуджавы, добавляя красок в воспоминания о нём и давая своеобразную оценку пройденного пути.

Примечательно то, что у актеров разный тембр голоса. Благодаря этому песни звучат неодинаково и каждый раз с новой силой. Постепенно актеры встают из-за стола, иллюстрируя действиями текст песен. Неожиданная активность не даёт зрителям отвести глаз от сцены, заставляет вслушиваться в слова и проникаться ими. Движение нарастает, и вот уже за столом остались один-два человека. Несмотря на это, центром освещения остается стол. Сцена за ним, задекорированная под комнату в доме (там даже сделаны окна, но о них чуть позже), затемнена. То ярким, то тусклым светом прожекторов выделяются лишь актеры, со временем занимающие определенные места на сцене. Стоит отметить, что не все они с самого начала «внутри дома», образ которого создают декорации. На открытом окне сидит мальчик-актер, изображающий тоже желающего поприсутствовать на вечере ребёнка: настолько интересная история и его не оставила равнодушным. Думается, что в горном ауле, где скорее всего происходит действие, все жители знают старого друга, которому посвящена встреча. Они готовы оставить свои дела и послушать даже через окно.

Композиция «На фоне Пушкина снимается семейство» воспринимается мной как смысловое завершение первой части спектакля. Все актеры собираются вместе, гаснет свет, после Тамада продолжает повествование, на этот раз трагичное, действительно оповещая о новом периоде жизни Булата Окуджавы. Траур передает как склонивший голову повествователь, в чьем голосе уже нет той оптимистичной в некотором роде интонации, так и безаккомпанементное и очень низкое, даже

показавшееся мне плаксивым, пение. За всё время это первый раз, когда поёт только один человек, причем ребенок. Раньше один запевал, но после подхватывали все, разве что тише основного голоса. «Всё бывает однажды», – замечает тамада. От себя добавлю: как и горечь утраты, потеря надежды и одиночество.

Следующим этапом жизни становится война. И уже никак не комментирует это повествователь, потому что нет нужды: слово «война» понятно без лишних слов. И здесь меня особо тронуло исполнение следующей песни. На сцене снова не опытный певец, а мальчик. Он выговаривает текст по слогам. Вторя певцу, в аккордовом сопровождении, а иногда ударяя даже по одной клавише, играет и пианист. Создаётся особое восприятие слов, они звучат в ритме марша, под который солдаты отправлялись на фронт. Ритм марша ненадолго заставляет зрителя испытать ужас войны – благодаря энергичным и мужественным интонациям этот «парадный» музыкальный жанр смело, без отчаяния, уводит бойцов в бой. В следующей мизансцене в центре внимания два мальчика-актера, будто изображающих Булата Окуджава и его друга, стремящихся на войну.

Следующая песня тоже отдана мальчикам, сидящим друг напротив друга. Она короткая, но темп исполнения нарастает, как накаляются страсти в битве. Резкий контраст с тихим пением той же песни дают зрителю ощущать то волнение, то спокойствие. И для этой песни не случайно выбрана актриса с очень звонким и низким голосом: её строки должны звучать именно громко и отчетливо, передавая смысл, заложенный в них. Света в зале практически нет. Только прожектор оранжевым выделяет лицо поющей женщины. «Вот я и познакомился с тобой, война», – снова только одна фраза, не требующая комментариев. Зажигалка, трубка... табак помогает Тамаде успокоиться. Свеча излучает

тихий свет. На фоне голоса девушек песня схожа с молитвенной мелодией в церкви.

Тамада, он же повествователь, это словно образ самого Булата Окуджавы, уже в почтенном возрасте, но также отчетливо вспоминающего это страшное событие жизни.

Завершающая часть трилогии спектакля, как и жизни барда – осмысление прошлого и исповедь: «Настало время оглянуться назад, на себя самого, и воскликнуть: "Да я ли это был?"».... Звучит песня, комментирующая словами автора его писательскую деятельность, загорается свет, актеры усаживаются за стол.

Тамада рассказывает биографию Булата Шалвовича так, как говорил в начале, будто бы основная часть спектакля – большое лирическое отступление, группа мизансцен, являющихся пояснением одной, и на самом деле из-за стола никто не вставал.

«Что ещё нужно, чтобы быть человеком?» На этот вечный вопрос, который не потерял своей актуальности и в наши дни, на всем протяжении театрального действия определяется косвенный ответ: мирное небо над головой, еда и одежда, пусть даже самая простая.

Завершается представление песней, вынесенной в название: «Каплями Датского короля». Она звучит особенно ярко в исполнении двух мальчиков (другие актеры подхватывают только на припеве). Финальный аккорд отдан молодому поколению, тем, кто будет продолжать традиции старших. Это подразумевает, что ещё не единожды за этим столом соберётся круг близких людей, которые помнят и продолжают помнить, с кого все начиналось – с Булата Шалвовича Окуджавы. В контексте всего спектакля эти самые «капли» воспринимаются не как лекарство в физическом смысле, а как эликсир из Поэзии и Музыки, эликсир бардовского дела, чему и посвятил свою жизнь поэт.

Иван Поповски сумел из песен выстроить сценарий и в содействии с командой театра (художником по костюмам, реквизитором, оператором по свету и звукооператором и другими) создать на сцене уникальный образ, который не оставит равнодушным никого из гостей и позволит почтить память барда.

Постановка «Капли Датского короля» будет интересна не только людям старшего поколения, хорошо знающим жизненный и творческий путь Булата Окуджавы, но и подросткам, интересующимся культурным наследием родной страны. Поэтому я порекомендовала бы посмотреть его моим сверстникам в кругу всей семьи. Каждый найдет для себя что-то новое, возможно, вспомнит забытое или себя в молодости.

В Театре Музыки и Поэзии Елены Антоновны Камбуровой новаторские решения по созданию спектаклей в зрителях отзываются поразному, но главное – это сопереживание, соучастие, те впечатления, которые не забываются с годами, сила синтеза искусств, которую раскрывает перед зрителями команда театра.